

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 331.101

РЕАЛЬНЫЙ И ЗНАЧИМЫЙ ТРУД О (НЕ) РЕАЛЬНОМ КАПИТАЛЕ

Л.А. Карасёва

Тверской государственной университет, г. Тверь

Представлена первая часть обзора-рецензии книги «(Не) Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствия для мирового хозяйства и России» [1], написанной профессором, заслуженным работником высшей школы РФ, заведующим кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета Виктором Тимофеевичем Рязановым. Главное внимание сконцентрировано на примененной ученым методологии политико-экономического исследования кризиса глобализации и его системных последствий, дополненной не формально, а обоснованно, включением институционального подхода, обширным эмпирическим анализом.

Ключевые слова: *кризис глобализации, постглобализация, политэкономическая теория кризисов при капитализме, постмарксистский синтез в марксистско-кейнсианской версии.*

Данная статья обращена, прежде всего, к тем, для кого профессионально важны не просто теоретический анализ, но и его уровень, глубина проникновения в исследуемые проблемы. Представляется, что знакомство с анализируемой монографией будет интересна и тем, кто не безразличен к методологии политико-экономического исследования. Монографию отличает направленность исследования на новые качественные перемены и сдвиги в хозяйственном устройстве с опорой на глубокий теоретический анализ реального мира современной экономики. Но, что особенно важно, – уважительное отношение к методологии политико-экономического исследования, дополненной не формально, а обоснованно, включением институционального подхода, обширным эмпирическим анализом. Это позволяет автору подойти системно к сложному и противоречивому многообразию существующих парадоксов и проблем современных мировой и российской экономик.

Во введении к своей книге В.Т. Рязанов, поясняя ее название, обращает внимание на два его контекста. Во-первых, «... в ведущих странах мира капиталистическая рыночная экономика представляет собой модель с доминированием финансового капитала и в этом смысле выступает «нереальной», где реальное производство оказалось отодвинутым на второй план [1, с. 6]. Во-вторых, нереальность является реальностью самой экономики, «когда возобладание финансового сектора обернулось присущей ему фиктивностью и иррациональностью» [1, с. 6]. Автор последовательно, шаг за шагом разворачивает обоснование того, как происходило углубление кризиса мирового хозяйства в условиях превращения *нереального* в экономике в доминирующее и *реальное* с господством спекулятивного капитала. Во

второй части книги проводится исследование последствий мирового кризиса для российской экономики, актуальных направлений их преодоления с выбором неоиндустриальной стратегии, которая, по мнению автора, «выступает как геопроjekt, закладывающий основания в новый и перспективный облик экономики» [1, с. 10]. При этом, обратим внимание, для Виктора Тимофеевича принципиально важно, что для России «выйти из мира “нереального” – это в очередной раз решать проблему выбора и самоопределения, не разрушая свою цивилизационную самодостаточность, которая является главной движущей и созидательной силой развития» [1, с. 10].

Существенно, что с самого начала профессор Рязанов В.Т. заявляет о методологических основаниях своего исследования, несколько не заботясь о том, что его могут упрекнуть в приверженности к марксистской методологии, особенно те, кто считает, что эмпирический, институциональный или производственно-технологический анализ и есть анализ экономический. В частности, автор поясняет: «... приоритет отдан классической политической экономии, накопленный методологический багаж которой вполне применим к современному кризисному состоянию общества...». И далее, «... экономическая классика, ориентированная на изучение сущностных отношений и внутренних противоречий в их связи с экономическими интересами, формирует целостное мировоззрение, важное для ее познавательного и прогностического потенциала» [1, с. 10]. Автор отдает должное и новому направлению современной политэкономической школы, «которое можно обозначить как постмарксистский синтез и прежде всего в его марксистско-кейнсианской версии», считая, что оно «располагает серьезным аналитическим арсеналом в изучении кризисов» [1, с. 10].

Доверие и уважение к идеям, представленным в книге, возникают не только потому, что она логически и непротиворечиво выстроена, а предлагаемые выводы обоснованы. Эти ощущения возникают и потому, что автор чрезвычайно щепетилен в изложении взглядов ученых, в заочных дискуссиях с ними. Поэтому у читателя появляется возможность участвовать в этих дискуссиях, выбирая для себя ту или иную точку зрения.

Структура работы не просто логична, но и выстроена по принципу развертывания и уточнения теоретического представления о предмете исследования. Так, анализ глав *разделов монографии* позволяет понять содержательную канву исследования от процесса становления экономики глобального капитала до системных последствий мирового кризиса, в том числе и для российской экономики.

Первая часть статьи будет посвящена первому разделу книги «Кризис глобализации и его системные последствия», а во второй части статьи (ее продолжении) будет представлен ее второй раздел «Кризис глобализации и Россия: экономическое развитие и новая индустриализация».

Первый раздел монографии «Кризис глобализации и его системные последствия» раскрывает ключевую идею раздела о том, что современный мировой кризис есть системный кризис модели финансового капитализма. Финансовый капитал, «будучи перенацеленным с производства жизненных благ на производство денег», в условиях дерегулирования финансовых рынков, информационно-компьютерной революции (глобализации коммуникаций) при поддержке принципов либерализма породил новую

хозяйственную систему в виде глобального капитализма. Другими словами, объективно через процессы финансиализации, долговую проблему, виртуализацию производства и потребления, он «превратившись в «параллельный мир», распространяясь практически на все глобальное экономической пространство, «подчиняя его своим иррациональным принципам» [1, с. 6–7], рождает мировой кризис. По мнению автора, последний следует рассматривать «как вполне закономерный итог развития мирового капитализма в условиях глобализации и одновременно проявление общего свойства цикличности» [1, с. 13–315]. Эти идеи представлены в семи главах, краткий обзор которых приведем ниже, обращая в первую очередь внимание на ключевые методологические и теоретические положения.

1.1. Особенности становления экономики глобального капитала. В.Т. Рязанов начинает эту главу с характеристики глобализации и ее признаков как перехода от ГМК–1 (государственно-монополистического капитализма) к ГМК–2 (глобально-монополистическому капитализму) (1.1.1.). Рассмотрев волны глобализации (1.1.2.), переходит к характеристике современной волны экономической глобализации (1.1.3.). Глава завершается политэкономическим анализом экономических отношений и противоречий глобальной экономики – геополитэкономия (1.1.4). В этой главе обратим внимание на два принципиальных с точки зрения статьи момента. Прежде всего, на методологию исследования современной волны глобализации. Автор, рассматривая глобализацию как объективное явление, отражающее процессы усиления взаимосвязи между странами и возрастание роли мировых рынков, исследует этот процесс в единстве организационно-экономических, институциональных и собственно хозяйственных форм его проявления. В этом отношении в пункте 1.1.3. важное место уделено анализу формирования «влиятельного союза мощных сил ..., заинтересованных в форсировании глобализации экономики, в подстегивании тенденций укрепления мирохозяйственных связей» [1, с. 36]: носителей «духа глобализма» – ТНК; национальных правительств стран базирования транснационального капитала; международной бюрократии – нового носителя политики глобализма [1, с. 36–37]. Опираясь на работы отечественных и зарубежных авторов, В.Т. Рязанов приходит к важному выводу о том, что этот окрепший «тройственный союз», во-первых, формирует целый ряд институтов, наднациональных органов, охватывающих весь мир. Во-вторых, экономическая глобализация «все сильнее трансформируется в способ навязывания миру субъективной по своей природе политической воли, принявшей на практике вариант америкоцентричной модели глобализма, а в ее экономической версии – долларо-центричной валютно-финансовой системы» [1, с. 39].

Это свидетельствует, по нашему мнению, о возникновении противоречия между субъективно установившейся институциональной структурой, поддерживающей интересы и «теневую власть» глобалистов, и объективной социально-экономической природой процесса глобализации, требующей учета и реализации и национально-государственных интересов. Обострение этого противоречия и «привело к возникновению узла противоречий, приведшего к взрывоопасному перенапряжению глобального экономического пространства с последующим его разрывом [1, с. 39]. Неслучайно в пункте 1.1.4. автор уделяет внимание изменениям,

претерпевают экономические интересы, имеющие формы проявления в виде как национальных хозяйственных интересов, так и нарастающего мирохозяйственного интереса, а также новым узлам противоречивого взаимодействия наемного труда и капитала, интересов развитых и развивающихся стран, изменению характера экономических отношений «центра» и «периферии» [1, с. 41–45]. Это, по мнению автора, является прямым следствием неолиберальной глобализации, образуя потенциально конфликтную зону в мировом сообществе. Профессор приходит к выводу о превращении экономических отношений – «в экономические отношения, соединяющие национальный и мирохозяйственный уровень, не исключая возможность доминирования второго уровня в условиях преобладания глобалистской тенденции» [1, с. 40]. Тем самым, речь идет о постепенном превращении традиционной политэкономии в геополитэкономия.

1.2. Финансиализация глобальной экономики и финансовый капитализм. Данная глава начинается с характеристики особенностей двух главных сфер хозяйственной деятельности – реальной и финансовой экономики (1.2.1.). Естественным продолжением анализа первого пункта с точки зрения главного предмета исследования является обоснование природы, места и роли финансового капитала в исторической эволюции мирового капитала (1.2.2.). Вывод о серьезных перекосах в устройстве мировой экономики в сторону доминирования финансового сектора и его независимым от реальной экономики развитием, подводит автора к исследованию процесса финансиализации глобальной экономики. Этой проблеме с сопровождающими ее фиктивностью капитала и виртуализацией хозяйственной деятельности посвящен пункт 1.2.3. главы. Завершается глава принципиально важным для автора вопросом о допустимых пределах экспансии финансового сектора экономики и его отрыва от реального. Речь идет о природе спекуляции и «спекулятивных пузырях» – экономике нереальных ценностей (1.2.4.).

1.3. Предпосылки мирового кризиса: ипотечный рынок и кредитно-долговая экспансия. Главную задачу в этой главе автор видит в том, чтобы «разобраться с ролью кредита и рынка жилья в современной рыночной экономике и в тех изменениях, которые произошли на нем по мере усиления действия глобализации» [1, с. 90]. По мнению В.Т. Рязанова, именно здесь находятся импульсы (своего рода вирусная инфекция) распространения кредитно-ипотечного кризиса в США на другие сферы, приведшие постепенно к глобальному финансово-экономическому кризису, а затем и к системному кризису современной общественно-экономической модели [1, с. 90–115]. Поэтому неслучайно пункт 1.3.1. «Рынок жилья и его роль в современной модели капитализма» написан на основе статистических данных, характеризующих функционирование и развитие жилищного сектора США, ряда других стран, начиная со времени Великой депрессии до 2010 г. Именно в этом пункте показано противоречивое влияние рынка жилья на экономику. С одной стороны, очевидна его значительная роль в поддержании экономической активности на всех фазах делового цикла с его мультиплицирующим воздействием на хозяйственную динамику, формированием крупного сегмента финансовой сферы с соответствующими институтами, генерирующими длинные деньги и т.п. С другой, – «мощный

стимулирующий потенциал, содержащийся в рынке жилья, обладает еще большей разрушительной силой при его развале» [1, с. 93], становится активным мультипликатором углубления экономического спада.

Данное положение принципиально для понимания последующих четырех пунктов данной главы. Пункт 1.3.2. раскрывает проблему роли кредитно-долговой экспансии как процесса превращения «эффекта богатства» в «ловушку богатства». Автор в нем рассматривает формирование кредитно-долговой модели экономического роста, «закономерным результатом которой стало возникновение проблемы долга как глобальной проблемы, определившей остроту противоречий и ограничений современного капитализма» [1, с. 97].

Важное место в анализе занимает подробное рассмотрение капиталотворческой функции финансовых институтов в расширении кредитной активности через включение залоговой обеспеченности выдаваемых ипотечных кредитов. При этом автор не ограничивается поверхностным эмпирическим анализом, а пытается ответить на вопрос, почему привлекательная модель самоподдерживающегося роста в реальной хозяйственной практике капиталистических стран не может быть успешно реализована. В.Т. Рязанов обращает внимание на то, что организационно-экономическая форма новой модели вступает в противоречие с капиталистическими принципами хозяйствования и проведения политики дерегулирования и либерализации финансовой деятельности. Закономерным результатом чего становится появление «мыльного пузыря» и его последующее схлопывание [1, с. 98–100].

Следующий пункт 1.3.3. на примере исследования *особенностей развития кризиса на кредитно-долговом рынке США* раскрывает противоречивость результатов использования финансовых инноваций в сфере ипотечного кредитования. «С одной стороны, они расширили доступность населения в приобретении жилья, усовершенствовали организацию деятельности по кредитованию, повысив ее доходность за счет диверсификации кредитных портфелей и уменьшения рисков, распределяя их среди сторонних инвесторов по всей глобально функционирующей финансовой сети». С другой, – внедрение финансовых инноваций «придавало рынку ипотеки, а вместе с ним и всей финансовой системе, опасную неустойчивость в более длительной перспективе» [1, с. 108]. Тем самым автор готовит читателя к пониманию процесса *обвала кредитно-долгового рынка как спускового механизма глобального кризиса*, который раскрывается в пункте 1.3.4. Анализируя цепь последовательных событий в хозяйственной практике США, по разрастанию кризиса, В.Т. Рязанов указывает на причину, лежащую на поверхности хозяйственной жизни – «произошедший разрыв связи сбережений и инвестиций», поясняя, что поток сбережений, устремившейся в сферу ипотечного кредитования, не мог не сформировать в ней огромный по масштабам мыльный пузырь. Но резко сократившаяся инвестиционная деятельность заложила «более фундаментальные предпосылки неизбежности наступления общего экономического кризиса» [1, с. 114].

Подводя итог, автор в пункте 1.3.5. «*Глобальные последствия кредитно-долгового кризиса в США*» делает принципиальный вывод для последующего анализа об исчерпанности реализуемой модели экономического

роста, основанной на кредитно-долговой экспансии. Дематериализация денег и радикальные изменения в структуре денежной массы, практически полный разрыв спекулятивно-финансовой сферы и производственно-потребительского сектора, разрыв сбережений и инвестиций, кредитно-денежная эмиссия в экономике США, «секьюритизация активов» подготовили всеобщее тотальное перекредитование экономики. Обращая внимание на усиление двух причин приведших к каскадному отключению звеньев народнохозяйственного комплекса, В.Т. Рязанов подчеркивает: «Во-первых, снятие перегородок между сегментами финансового рынка и формирование единого его пространства создали возможность беспрепятственного распространения ипотечного кризиса по всей финансовой системе с неизбежным поражением сферы производства» [1, с. 114]. Во-вторых, важная роль этого рынка в формировании доходов населения при его обрушении повлияла на резкое снижение потребительского спроса.

Столь подробный анализ данной главы обусловлен тем, что в ней проведенные эмпирический, институциональный, организационный анализы подготавливают ключевой вопрос исследования *о фундаментальных основаниях современного экономического кризиса*. Это принципиально иной уровень теоретического исследования.

1.4. «Теория экономических кризисов при капитализме: возвращение политической экономии». В этой главе профессор В.Т. Рязанов обосновывает необходимость обращения к методологии исследования марксистской и кейнсианской политэкономических научных школ с учетом их современной версии для раскрытия фундаментальных оснований современного экономического кризиса. При этом автор замечает, что в исследовании кризисов должны учитываться «как объективные, так и субъективные их причины», а их сочетание «дополняет характеристику их природы и в немалой степени объясняет масштабы того или иного спада, а также особенности проводимой антикризисной политики» [1, с. 116]. Однако, следуя заявленным принципам исследования, профессор подчеркивает, что «особое внимание к объективной природе кризисов дает значительно больше в их понимании и в выработке более эффективной антикризисной политики» [1, с. 116–117]. Представляется, что для современных исследователей, абсолютизирующих эмпирический (собственно хозяйственный) или институциональный уровни анализа, это замечание ученого чрезвычайно важно. В частности нацеленность на изучение внешних и поверхностных взаимосвязей и зависимостей, существующих в хозяйственной практике, безусловно, необходима, но как первая и важная ступень в понимании качественных сдвигов в экономике, выработке стратегии ее движения. Структура главы отражает последовательное содержательное решение поставленной теоретической проблемы: 1.4.1. *Обзор становления теорий экономических кризисов*; 1.4.2. *Циклические и нециклические параметры экономических кризисов: политэкономический подход*; 1.4.3. *Капитализм и кризисы: реактуализация теории К. Маркса*; 1.4.4. *Дж. М. Кейнс и его школа о кризисе*; 1.4.5. *Формы перенакопления капитала и развитие политэкономической теории о кризисе*; 1.4.6. *Возможности и перспективы постмарксистского синтеза*; 1.4.7. *Природа современных кризисных процессов: роль институционального и социального неравновесия*.

В своем анализе В.Т. Рязанов корректно и обоснованно пытается объединить методологию Маркса с целым рядом других исследовательских школ, не отбрасывая то новое, что каждая из них привносит в понимание и решение хозяйственных проблем развития капитализма, связанных с экономическими кризисами, и побуждающими к переосмыслению теоретических взглядов и хозяйственной практики. В этом отношении показателен анализ в пункте 1.4.2., посвященный современной трактовке циклических и нециклических параметров кризиса, системных и структурных кризисов, в выводах по его итогам. Обратим внимание на третий вывод, в котором автор отмечает, что «для коротких экономических циклов существенна роль таких неэкономических факторов, которые обусловлены особенностями психологического поведения людей в конкретных хозяйственных ситуациях» [1, с. 142].

Методологически, по нашему мнению, этот вывод принципиально важен для понимания того, что экономические отношения могут осуществиться только через хозяйственную деятельность людей, через их субъективное восприятие объективных экономических интересов, действующих институциональных формальных и неформальных норм, формирующих рамки их хозяйственного поведения. В долгосрочном периоде воспроизводство спонтанно родившихся хозяйственных норм поведения субъектов экономики, может превратить их в институциональные нормы, существенно влияющие на объективные основания протекания хозяйственных процессов.

Важное место в главе занимает обоснование В.Т. Рязановым близости к политэкономическому подходу в исследовании современного экономического кризиса школы Дж. Кейнса. Автор выделяет три существенных обстоятельства: возвращение к главному объекту изучения в классической политэкономии – национальной экономике в целом; обращение к анализу всего общественного воспроизводственного процесса, выделяя как исходную и ключевую проблему безработицы; опора на поведенческую психологию, формирующуюся в обществе и в больших группах, что «позволяет проложить определенный мостик от массовой психологии к изучению экономических отношений, возникающих между хозяйствующими субъектами в процессе их воспроизводственной деятельности» [1, с. 155]. В итоге автор подчеркивает: «... есть достаточные основания рассматривать научную школу Кейнса в контексте политэкономической традиции. В этой связи вполне оправданна ее трактовка в качестве “кейнсианской системы политэкономии” (1, 1.4.4., с. 155).

Далее в этом пункте ученый подробно анализирует причины экономических кризисов при капитализме, как они представлены в кейнсианской теории, сопоставляя ее с подходом К. Маркса. Отличие двух подходов состоит в том, что «для Маркса проблема капитала – это общий процесс его самовозрастания (накопления), для Кейнса – это неустойчивость расширения производственных активов на рынке капитала, которая определяется рыночными характеристиками такого самовозрастания» [1, с. 157]. В связи с последним В.Т. Рязанов делает важное замечание о том, что тенденция снижения нормы прибыли и падение предельной эффективности капитала (предельной эффективности будущих инвестиций)

характеризуют две стороны единого процесса – появление избыточного капитала, который не находит прибыльного вложения, тем самым обуславливая наступление кризиса перепроизводства. «В одном случае речь идет об объективной стороне такого процесса, в другом – о его субъективно-психологической стороне» [1, с. 157].

Данный вывод существует в двух контекстах. Во-первых, потому, что в нем содержится новая трактовка действующего ограничителя (предела) предпринимательской деятельности (в отличие от экономистов-классиков, неоклассиков и К. Маркса) – неопределенность будущего, влияющего на колебания совокупного спроса и изменения предельной эффективности капитала». Во-вторых, в нем отражено принципиальное отличие подходов Маркса и Кейнса к причинам кризиса: Маркс связывал причину с падением прибыли всего действующего капитала как «нового капитала», а Кейнс – с падением прибыльности «будущих инвестиций», т.е. прирастающего капитала [1, с. 158]. Поэтому «Маркс исключал историческую перспективу капитализма как системы хозяйства. Кейнс же сделал ставку на потенциал и самообновление капитала» [1, с. 158].

Обратим внимание на важность последнего положения для понимания ключевых идей монографии и, в частности, возможности и необходимости предела развития капиталистических и посткапиталистических отношений. Автор подчеркивает: «Если Маркс выявил более глубокие и фундаментальные пределы развития капитализма, то Кейнс обнаружил его слабое звено, обусловленное возможностью перетока избыточного и не находящего прибыльного вложения капитала в производстве в сферу финансов с развертыванием в ней спекулятивной деятельности» [1, с. 158–159], способного рождать кризисные обвалы.

Впоследствии это подтвердилось историей развития капитализма. Нами еще в начале двухтысячных годов при работе с аспирантом эта проблема подробно анализировалась в рамках темы «Взаимодействие финансового сектора с реальным в современной воспроизводственной системе». В ходе работы было обосновано количественное и качественное раскоординирование их взаимосвязи, превращение финансового сектора в важнейший элемент общеэкономического равновесия и фактор распределения ресурсов. При этом отмечалось, что не финансовые потоки, как ранее опосредовали товарное обращение, а наоборот, товарное обращение все в большей степени определялось финансовыми потоками. В результате пришли к выводу, что производные финансовые инструменты одновременно являются мощным фактором раскоординирования финансового и реального секторов. Они усиливают потенциальную угрозу цепных дефолтов по «принципу домино», трансформируют финансовые риски из текущих в системные, вызывают перенос краткосрочных неравновесных состояний в будущее глобальное неравновесие.

Поэтому для нас этот пункт монографии особенно интересен с точки зрения осмысления вклада различных школ в развитие экономической теории, а также необходимости их творческого переосмысления в связи с изменениями в объекте исследования. Методологический интерес связан еще и с осмыслением того, что упрощенное понимание «заката капитализма» без учета механизма его адаптации к собственным процессам подрыва основного

отношения рыночно–капиталистической экономики, не является плодотворным и для понимания выбора вариантов и способов перехода российской экономики на новый путь развития. Как справедливо замечает К.А. Хубиев, «инновационная экономика и инновационный характер труда практически подводят к преодолению наемной формы труда..., но в рамках сохранения ее пока как функционирующей системы» [2, с. 135].

Пункт 1.4.5. интересен обоснованием тезиса о несостоятельности использования в качестве исходной политэкономической версии теории кризисов идеальной конструкции капиталистического хозяйства, в которой действует механизм свободной конкуренции. Это тем более значимо, что «... многие современные представители ортодоксальной неоклассической школы ... в условиях продолжительного господства олигополий по-прежнему разрабатывают и формализуют макроэкономические модели, опираясь на гипотезу общего равновесия и механизм совершенной конкуренции» [1, с. 167]. Разве не в такой логике представлено большинство учебных курсов по макроэкономике?

В.Т. Рязанов уточняет, что в условиях доминирования несовершенной конкуренции «ценовый механизм утрачивает способность спонтанно и автоматически устанавливать равновесие в экономике» [1, с. 165]. Кроме того, развертывание глобализации и нарастание открытости национальных рынков приводят к тому, что «сама норма прибыли, выступая в традиционном понимании как категория отраслевая и межотраслевая, ... дополняется территориальным (пространственным) срезом» [1, с. 165]. А «сам принцип равной прибыли на равный капитал ... фактически замещается принципом неравной прибыли на равный капитал» [1, с. 166]. Одновременно доминирование олигополистических структур «не разрушило само капиталистическое производство, но стало дополнительным фактором самоотрицания капитала, еще более отдалив его от идеальной конструкции» [1, с. 166].

Нам представляется в данном пункте принципиальными и важными для осмысления научным сообществом ряда положений, вытекающих из проведенного профессором исследования. Во-первых, необходимость «своевременного выявления новых форм перенакопления капитала, которое в значительной мере объясняет происходящие трансформации в капиталистической системе хозяйствования» [1, с. 169]. Во-вторых, проблему соотношения выявления сущностных и причинно-следственных связей в экономике с реально происходящими общественно-хозяйственными процессами [1, с. 170–171]. Мы солидарны с автором, что ориентация на абстрактно-теоретические или предельно формализованные модели превращает теоретические системы «в разновидность экономической идеологии, утрачивая способность к непосредственному применению в хозяйственной практике» [1, с. 170]. В-третьих, альтернативный и содержательный ответ неоклассической школе – «это выдвижение сложной и одновременно амбициозной задачи создания теории общего (системного) неравновесия». При этом «сама теория кризисов при капитализме, опирающаяся на анализ перенакопления капитала и ее изменяющихся форм, и является теорией общего неравновесия» [1, с. 172]. В-четвертых, возможно попадание современного капитализма «в ситуацию долгосрочного кризисного

состояния, если не будут найдены эффективные способы общественно-хозяйственного переустройства с задействованными государственными и, возможно, наднациональными рычагами» [1, с. 172].

В пункте 1.4.6. анализируются возможности и перспективы постмарксистского синтеза применительно к кризисной проблематике. В нем идеи предыдущего пункта развертываются через анализ теорий, представленных в трудах Дж. Кейнса, М. Калецкого, Дж. Робинсон, Н. Калдора, С. Вайнтрауба, Г. Мински и др.

Но большее внимание В.Т. Рязанов уделяет идеям Кейнса с его иной версией существующего неравновесия при капитализме, необходимостью формирования модели государственно-регулируемой рыночной экономики с особым акцентом на антикризисные рычаги [1, с. 174–176]. Значительное место уделено развитию идеи новой модели цены в условиях господства монополий и обоснованию ее влияния на существенные изменения в механизме ценообразования в концепции М. Калецкого [1, с. 177–178].

И снова сконцентрируем внимание читателей на методологическом аспекте данного пункта. Анализируя соотношение концепции трудовой теории стоимости и концепции ценообразования в новых условиях, профессор делает два важных вывода. Суть первого сводится к тому, что «речь идет об изменяющейся природе капиталистического механизма хозяйствования, при котором формированию монопольно высоких цен сопутствует образование монопольно низких цен с соответствующими перераспределительными процессами созданной совокупной прибавочной стоимости» [1, с. 179], что не противоречит теории трудовой стоимости. Второй вывод касается «оправданности согласованного использования философско-экономического и функционального подходов в исследовании хозяйственных процессов» [1, с. 180]. По мнению ученого, «этим будут обеспечены более прочная связь и единство исследования сущностных и причинно-следственных связей и отношений, раскрывающих глубинные основы капиталистической системы хозяйства, с современным аналитическим аппаратом изучения особенностей ее функционирования с учетом всех произошедших изменений и модификаций» [1, с. 180]. Добавим лишь, что, только отталкиваясь от изучения динамики хозяйственных и институциональных форм и норм функционирования, можно обнаружить, имеются ли изменения в социально-экономической природе системы.

Обращаясь к исследованию природы современных кризисных процессов в пункте 1.4.7., профессор Рязанов обращает внимание на необходимость сохранения опоры на системно-воспроизводственное видение происходящих процессов. Данный пункт, по нашему мнению, пример блестящего его применения. Автор, концентрируя внимание на объективных причинах возникновения экономических кризисов, останавливается на процессах тройного неравновесия – «макроэкономического, институционального, социального», рассматривая их как трехмерное измерение перенакопления капитала [1, с. 183]. В свернутом виде содержание пункта представлено в таблице 6 на странице 187 «Основные характеристики современного экономического кризиса». Представленные пять причин (исходная, институциональная, поведенческая, технологическая, системная) в таблице развернуты *содержательно, через последствия и типологически* от

проявления соответственно стандартной рецессии, балансовой, рецессии активов, структурной до ее системной природы. Содержание соответственно раскрывается от перенакопления капитала как общего проявления неравновесия в экономике; институционально как отрыв финансов от производства и перенакопление финансового капитала; поведенчески как ориентация на краткосрочную выгоду и недооценка рисков; технологически как исчерпанность пятого технологического уклада; системно – глобализация процесса перенакопления капитала [1, с. 187]. Последствия развернуты соответственно через: падение норм прибыли и анархию в организации производства; кредитно-долговую экспансию; перепроизводство «спекулятивных пузырей»; снижение эффективности производства; глобальные диспропорции в условиях транснационализации хозяйствования и неполной воспроизводственной целостности [1, с. 187]. Можно дискутировать о субординации причин, об отнесении их к тому или иному уровню функционирования хозяйственной системы, но факт остается фактом, имеет место плодотворная попытка системного по сути, а не по форме исследования природы современных кризисных процессов.

1.5. «Истоки и основные характеристики современного кризиса глобализации». Данная глава интересна тем, что в ней В.Т. Рязанов использует большой массив статистических данных по мировому хозяйству для характеристики его функционирования в годы, предворяющие мировой экономический кризис 2008–2009 гг. В пункте 1.5.1. «Предыстория кризиса глобализации: сигнальные кризисы» автор приходит к выводу о том, что «значение предворяющих (сигнальных) кризисов, которые возникали в отдельных секторах развитых экономик и на периферии глобальной экономики, было явно недооценено. В них не видели зарождающие симптомы системного кризиса, которые указывали на высокие риски доминирования финансового капитала на всем глобальном пространстве» [1, с. 200]. Поэтому неслучайно второй пункт 1.5.2. «Роль денег в формировании спекулятивного мотива» посвящен фундаментальному значению денег в происходящих переменных в рыночной экономике. В.Т. Рязанов видит относительную новизну природы денег в условиях современного финансового капитализма «в неограниченности действия их самовозрастающего механизма, который работает практически автономно, ... в разрыве «оборота денег с развитием производственно-потребительского сектора экономики, что усиливает неустойчивость финансовых рынков и самой хозяйственной системы» [1, с. 209].

Логическим продолжением содержания данного пункта является исследование *денежной политики и глобальных финансовых активов*, а также *последствий возвышения фондовой сферы*, которые представлены в пунктах 1.5.3. и 1.5.4. Специалисты, изучающие данные аспекты функционирования глобальной экономики, работая с содержанием этих пунктов монографии, могут получить пример *критериального* эмпирического анализа, являющегося эмпирическим подтверждением ключевых идей, высказанных автором при характеристике мирового кризиса.

Методологически выделим знаменательный для нас фрагмент. Он связан с положением работы о том, что «при... спекулятивной модели экономики инвестиционное поведение экономических агентов, как и в целом хозяйственная деятельность, подчиняются уже не столько экономическим

законам и принципам, сколько законам психологии, которые ... все чаще имеют дело с примерами не рационального, а иррационального поведения» [1, с. 226]. И далее: «можно уверенно констатировать, что классическая модель Homo Economicus сменилась вариантом Homo Speculativus» [1, с. 226].

Посмеем в данном случае вступить в дискуссию с глубокоуважаемым профессором. Примененный субъектный подход может быть реализован как субъектно-объективный и субъектно-субъективный. Новая модель Homo Speculativus, став элементом институциональной структуры, объективно отражает изменения в социально-экономической природе функционирующего капитала. Она возникла как результат рационального существования хозяйствующих субъектов в данной хозяйственной системе, как реакция на самоподдерживающие механизмы финансовых рынков, дерегулирование национальных рынков, глобальную дезорганизацию хозяйственной деятельности с избыточными рисками и высокой неопределенностью. Именно поэтому деятельность хозяйствующих субъектов по экономическому критерию приобретает мнимый характер. Разве не об этом вывод автора по итогам анализа в пункте 1.5.4?

О внутренней несопряженности современного мирохозяйственного устройства автор пишет: «масштабная либерализация финансовых рынков в условиях сохраняющейся относительной закрытости национальных сегментов реальной экономики создает рассогласованность и внутреннюю конфликтность в хозяйственной деятельности, усиливая разрыв открытости финансов с обособленностью национальных экономических интересов и тем самым еще более размежевывая финансы и производство» [1, с. 229].

1.6. «Великая депрессия и Великая рецессия: общее и особенное». Этот пункт методологически интересен тем, что в нем В.Т. Рязанов обращается к историческим сопоставлениям и аналогиям через сопоставление общего и особенного, в результате чего понимание кризисных событий «получает более многомерное и глубокое обоснование» [1, с. 230]. Это подтверждается важными выводами, содержащимися в данной главе. В пункте 1.6.1. «*Особенности взаимосвязи кризисов*» выводе о том, что «глобальная капиталистическая экономика по-прежнему остается иерархически организованной с множеством уровней и подуровней, но она уже однородна с точки зрения господствующего типа экономических отношений и регулирующих механизмов» [1, с. 234]. В результате этого: 1) «кризисные волны, возникающие вне центральной части мирового хозяйства, вполне могут доходить и до нее»; 2) «достигнутый высокий уровень гомогенности экономического пространства ограничивает возможности сброса кризиса в наиболее развитых экономиках на периферию мирового хозяйства», которая «не в меньшей степени поражена современной рецессией, и это становится дополнительным фактором, определяющим затяжной характер спада и высокую вероятность наступления вторичных кризисных волн...» [1, с. 234].

В пункте 1.6.2. «Великая депрессия: предсказания и взгляды австрийской школы о кризисе» – обоснованный вывод о невозможности практической реализации теории австрийской школы по поводу кризисов при капитализме, несмотря на ее основательность и логичность. В первую очередь потому, что «серьезное выражение вызывает сама реалистичность

выдвигаемой конструкции модели экономики, в которой господствующее место занимают свободные конкурентно-рыночные отношения» [1, с. 241].

Пункты 1.6.3. «*Великая депрессия и Великая рецессия: сопоставление масштабов и последствий*» и 1.6.4. «*Великая депрессия и Великая рецессия: причины и последствия*» через сопоставление общего и особенного с применением обширных статистических данных позволяют автору не только дать глубокую характеристику кризисного обвала в мировом хозяйстве в период 2008–2009 г.г., но и подготовить анализ *антикризисной политики и ее эффективности* в п. 1.6.5.

Анализируя современный кризис, В.Т. Рязанов подчеркивает, что кризисный обвал характерен не только для финансовой сферы, но и для общего процесса его развертывания, фиксируя его принципиальную особенность: «по мере нарастания и усложнения он претерпевал изменения в своей природе» [1, с. 262]. Этапы его разворачивания автором рассматриваются как «чередa кризисных метаморфоз». Это «превращение локально-отраслевого кризиса (ипотечного) во всеобщий финансово-экономический; распространение национального кризиса, зародившегося в США, на все мировое экономическое пространство; трансформация циклического кризиса в структурно-системный; наступление затухающей фазы в кризисном развитии с возможностью нового обострения» [1, с. 262–263]. Но, будучи прекрасным проблематизатором, автор не может обойти вопрос о том, почему значительный разрушительный потенциал кризиса не был реализован, почему удалось избежать трансформации рецессии в депрессию. Ученый ограничивается указанием на два фактора, но такие, которые позволяют, по мнению автора, понять, что произошло в мировой экономике. В частности, удалось избежать резкого обострения протекционистского противостояния государства; с учетом Великой депрессии была радикально скорректирована проводимая кредитно-денежная политика развитыми капиталистическими государствами [1, с. 264] – при ухудшении экономической конъюнктуры не ужесточали, а смягчали денежную политику [1, с. 266].

И снова новая проблематизация: оценка эффективности антикризисных мер, которая, по мнению ученого, неоднозначная. «С одной стороны, проводимая денежная политика, нацеленная на блокирование кризиса, представляется успешной. С другой, – экономика развитых капиталистических стран уже достаточно длительный период не может выйти на траекторию устойчивого развития» [1, с. 267]. Ответ на эту проблематизацию разворачивается в пункте 1.6.5. Сравнение выхода из Великой депрессии и затянувшейся Великой рецессии наших дней В.Т. Рязановым показано через преимущество политики «экономики спроса» над политикой регулирования автономных от реального сектора параметров денежной массы («экономика предложения»). Но знаменателен вывод ученого: «Скорее всего, ответ надо искать не столько в эффективности кейнсианского антикризисного регулирования, сколько в способности самой капиталистической системы хозяйства результативно и последовательно его задействовать, преодолевая сопротивление теряющих свои позиции бизнес структур» [1, с. 272]. Нам представляется данный вывод методологически важным для понимания

проблемы чувствительности институциональной структуры к динамике структуры объективных экономических интересов.

Наконец, глава **1.7. «Системные последствия мирового кризиса: постглобализация и ее основные направления»**. Логика главы представлена шестью пунктами. 1.7.1. *«Кризис глобализации, его причины и последствия»*; 1.7.2. *«Неолиберальная глобализация и деиндустриализация»*; 1.7.3. *«Постглобальная экономика и возможные направления ее развития»*; 1.7.4. *«Глобальная экономическая нестабильность: роль наднациональных и национальных регуляторов»*; 1.7.5. *«От большой к малой глобализации: от ЕС к США?»*; 1.7.6. *«Государство в глобальной экономике: новое качество»*. Уже по названию пунктов можно судить, какой большой и глубокий пласт проблем поднимает автор в этой главе. Однако смеем надеяться, что проведенный обзор-рецензия первой части фундаментального труда В.Т. Рязанова привлечет к знакомству и глубокому его прочтению. Поэтому для сохранения интриги мы ограничимся остановкой лишь на двух положениях, важных с точки зрения методологической направленности данного обзора. Во-первых, по поводу судьбы глобализации в посткризисный период автор замечает: «ясно, что не только требуется смена парадигмы развития, но и назрел отказ от избыточных ожиданий по поводу перспектив глобализации, которые ранее считались абсолютно бесспорными» [1, с. 273]. Рассматривая возможные сценарии развития (возможность реставрации неолиберальной глобализации, переход к протекционистской модели посткризисной экономики, регионализация и вариант деглобализации, восстанавливающей национальные регулирующие механизмы) [1, с. 289–292], автор подчеркивает: деглобализация «должна быть отнесена к числу наиболее адекватных реакций на глобальный кризис и на потребность переформатирования мирового хозяйственного порядка» [1, с. 291]. При этом под деглобализацией понимается «процесс возвращения рынка под контроль и регулирующее воздействие суверенного государства, его институтов и норм, не исключая проведения согласованной политики странами и международными экономическими институтами» [1, с. 292]. Во-вторых, положение о необходимости «существенной коррекции во взаимодействии наднациональных и национальных регуляторов... Усиление значения государства и его регуляторов равнозначно восстановлению контроля и регулирования рыночных отношений, приходящему на смену безграничной либерализации» [1, с. 312]. Эти выводы еще раз подчеркивают роль институциональной структуры в намечаемых преобразованиях, в том числе и для восстановления приоритетности реального сектора экономики на новой технологической основе.

Подводя итог первой части обзора монографии В.Т. Рязанова, еще раз подчеркнем значимость этой работы не только по масштабности и глубине исследования, качеству поднятых в нем вопросов для представителей академической и научно-практической общественности, но и для включения целого ряда положений книги в образовательный процесс при подготовке студентов и аспирантов по направлению «Экономика».

Список литературы

1. Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономика кризиса и его последствия для мирового хозяйства и России. М. : Экономика, 2016. 695 с.
2. Хубиев К.А. Тенденции и перспективы современного экономического развития : интегративный тренд? // Гэлбрейт: возвращение: монография / под ред. С.Д. Бодрюнова. М. : Культурная революция, 2017. С. 114–156.

REAL AND IMPORTANT WORK ON (UN) REAL CAPITAL

L.A. Karasyova

Tver State University, Tver

The author presents the first part of the survey devoted to the review of the book “(Un) real capitalism. Political economy of the crisis and its consequences for the global and russian economy” by professor, Honorary Figure of Russian Higher Education, the head of economic theory department of saint-petersburg state university, ryazanov Viktor fyodorovich. The survey highlights the methodology for economic research of the globalization crisis and its system consequences including institutional approach and extensive empirical analysis applied by the author.

Keywords: *globalization crisis, post-globalization, political theory of capitalism crises, post-marx synthesis in marx and Keynes' version.*

Об авторе:

КАРАСЁВА Людмила Аршавировна – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономической теории, Институт экономики и управления, Тверской государственный университет, (170100, Российская Федерация, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: karasevatvgu@yandex.ru

About the author:

KARASJOVA Ljudmila Arshavirovna – doctor of economic Sciences, Professor, head of economic theory Department, Institute of Economics and management, Tver state University, (170100, Russian Federation, Tver, Zhelyabova street, 33), e-mail: karasevatvgu@yandex.ru

References

1. Rjazanov V.T. (Ne) Real'nyj kapitalizm. Politjekonomija krizisa i ego posledstvija dlja mirovogo hozjajstva i Rossii. M. : Jekonomika, 2016. 695 s.
2. Hubiev K.A. Tendencii i perspektivy sovremennogo jekonomicheskogo razvitija : integrativnyj trend? // Gjelbrejt: vozvrashhenie: monografija / pod red. S.D. Bodrunova. M. : Kul'turnaja revoljucija, 2017. S. 114–156.